

ВЛАДИМИР ФЁДОРОВ

Москва

ПЕСНЯ ТРЁХ БЕЗДОМНЫХ ДОМОВЫХ

***

Ветра гиперборейские задули,
Их песне без привычки не подпеть.
И снег такой, что в нём завязли пули,
Что до меня пытались долететь.

Хранит мой дом ревущая отрада.
Или хоронит в снежной глубине?
Ушла в сугробы с головой ограда,
Часы навек застыли на стене.

Который день я в белом саркофаге
Не отличаю ночи ото дня.
Лишь строчки проступают на бумаге,
Когда её поддержишь у огня.

***

Зачем опять в озябший лес шагаю,
Куда смотрю с надеждой из-под рук,
Ведь чудеса давно собрались в стаю
И улетели с криками на юг.

Ведь волшебство давно легло в берлогу
И повернулось к прошлому спиной.
И даже тайна собралась в дорогу,
Не пожелав увидеться со мной.

И ближний мир лежит пустыней дачной,
Безлюдной и бездушной стороной.
И этот день, до пустоты прозрачный,
Как ледоставом, скован тишиной.

И лишь в чащобе, где таятся дымка
И где за воротник ползёт озноб,
Стучит тревожно дятел-невидимка,
Как будто гвозди забивает в гроб.

МАУГЛИ

А была такая стая дерзкая –
Не боялась ни огня, ни пуль.
И дрожала свора браконьерская,
И крестился егерский патруль.

Я не видел мускулов чугунное,
Я блее не встречал оскал.
А когда мы пели в полнолуние,
То озноб и мёртвых продирал.

И волчицы были – раскрасавицы,
Просто неумные в любви.
И хотела каждая понравиться,
И рычала нежно: «Позови...»

И была средь них одна особая,
С синевой огней из-под ресниц.
Может, я любил её до гроба бы,
Только нету гроба у волчиц...

Ах ты, стая, стая моя звёздная,
Мне такой уж больше не найти:
В час охоты – хищная и грозная,
В час любви – ангел во плоти.

Я втяну ноздрями память: мало ли...
Но в ответ не вспыхнет блеск клыков.
Я – один...
Я – старый горький Маугли,
Переживший всех своих волков.

ДОМОВЫЕ

За Чёрным Мысом, где клубятся ели
И смотрят звёзды в чёрный окоём,
Они устало у костра сидели
И что-то пели грустно о своём.

От песни этой сумрачной и древней
Сникали травы в тишине лесной,
И только где-то призраки деревни
Дрожали миражами за спиной.

И только где-то, на погосте старом,
Сокрытые годами и листвою,
Вставали тени белые по парам
И горько в такт кивали головой.

Их голоса кружил по долу ветер
Среди деревьев тёмных и чужих...
Нет ничего печальнее на свете,
Чем песня трёх бездомных домовых.

ПОСЛЕДНИЙ ОХОТНИК

Он шагал через горы и годы,
Чтоб добычу свою отыскать.
От заката дошёл до восхода
И к закату вернулся опять.

Его злость и отчаянье гнули,
Неудача по свету несла,
Истомлённые чёрные пули
Прирастали к каналам ствола.

И когда уже не было мочи,
На краю запредельной страны
Он увидел дрожащий комочек
На иссохшей ладони сосны.

Выстрел,
Выкрик.
Счастливые слёзы.
Рот взметнулся, победно трубя...
Ночью долго он целился в звёзды,
Чтобы выстрелить утром в себя.

МАРТ

Ещё от ветра вытирают слёзы
Берёзы на обочине реки
И в подворотнях прячутся морозы,
Позёмки намотав на кулаки.

Но золотой уже распахнут улей,
И ворохнулись в омуте сомы,
И воробей серебряною пулей
Пронзает грудь растерянной зимы.

И что-то шепчет домовой на ушко,
И в голос входят утром петухи.
И сладкой тайной светится опушка,
Где в скорлупу снегов стучат стихи.

***

Перелётные души уплывают под звёзды,
Оставляя планете брэнность сброшенных тел.
Перелётные души, перелётные грёзы,
А ведь я не однажды в вашей стае летел.

Невпопад я рождался в окаянном столетье,
Невпопад погибал я в самых глухих боях.
И слепило до боли эпох разноцветье,
Но никак не встречалась эпоха моя.

Оставлял я потомкам завещаньем на небыль
 Арбалетные стрелы, эшафотную кровь...
 А душа уплывала с надеждой на небо,
 Забирая с собою лишь добро и любовь.

Перелётные души уплывают под звёзды.
 Как забытый подранок, я кричу на восток.
 Мне ещё для запястий не откованы гвозди,
 Мне ещё для распятыя не пробился росток.

***

Польхнёт под утро озаренье,
 Подарив пронзительный итог:
 Это ты моё стихотворенье,
 А не то, что сохранит листок.

Всё вместив от ада до эдема,
 Ослепляя белою строфой,
 Ты – моя великая поэма,
 В час безумства созданная мной.

Я испит до дна твоею ночью,
 И слова пустые не нужны
 Родинок плывущих многоточью
 На поляне золотой спины.

Как вести с тобой и небом битву,
 Если каждый слог настолько груб,
 Что не ляжет никогда в молитву
 Междометий опалённых губ?!

Что найти мне в словаре убогом,
 Что поставить в бесполезность строк
 Рядом с этой, выточенной Богом,
 Рифмой двух летящих к звёздам ног?!

***

Так давно известно людям это,
 Что не надо спрашивать волхвов:
 Чем на свете хуже для поэта,
 Тем и лучше для его стихов.

Такова поэту Божья воля,
 Чтоб платил он кровью за слова,
 Чтоб росли стихи из чистой боли,
 Всуе не плетясь, как кружева.

Чтоб его не баловали грёзы:
К звёздам вознося, бросали нищ.
И чтоб многоточия, как слёзы,
Прожигали всполохи страниц.

И чтоб лишь в последнюю дорогу,
Из-под сердца вынув горстку слов,
Дал Господь их, *радостных*, немного
Лучшему из избранных сынов.

ИГОРЬ МИХАЙЛОВ

Москва

ПРАВИЛА ВОСПРИГУБЛИВАНИЯ ВИНА В МОЛДОВЕ

рассказ

– Превосходная лоза, прокуратор, но это – не «Фалерно»?
– «Декуба», тридцатилетнее, – любезно отозвался прокуратор.

Михаил Афанасьевич Булгаков, «Мастер и Маргарита»

Питие определяет сознание. Хотя: обилие выпитого вина ведёт к болтливости! – говаривал Менандр. Даже воспоминание о вине способно развязать язык или вдохновить на безумный текст о вине. Бесконечный, терпкий и густой. С обилием цитат, цезур и пауз. Если, конечно, вино вкушать, а не пить.

Воспригубим! – этот тост Саши Соколова как нельзя лучше отражает отношение пьющего. Вкушающего, словно с каждым глотком вина познаёт мир, женщину, себя, космос или всё это вместе взятое.

Так пьют этот напиток королей, вспоминая итальянскую пословицу:

воду пей, как бык, а вино, как король! – в Молдове, в этой благословенной Богом земле виноградной лозы, Лидии и Изабеллы.

Вино пьют в городе по-своему, в деревне – по-своему.

В Кишинёве дегустируют, причмокивая, многозначительно округляя под глаза под размер стакана. Но всё же вино лучше всего вкушать там, где его выращивают.

В какой-нибудь в деревеньке, где винопитие – настоящий вековой неукоснительный ритуал. Вино – это жизнь. Просто мы не всегда совпадаем с этим током жизни, у нас не всегда в крови 220 вольт. Мы любим разбавлять жизнь водой.

А в Молдове вино в каждом дворе. Республика опутана виноградной лозой, как паутиной. В жилах настоящего молдаванина течёт каберне. В глазах молдаванки плещется безумный отблеск вакхического танца. Вакх живёт в Молдове. А Пушкин в глазах Земфиры.

Надо, наверное, разделить эти две полноводные реки: вино и женщины, – ненадолго, на две неравные части и участи. Разведём по разным углам. Рано или поздно они сольются в одно. В единый вихрь радости и страсти без нашего соизволения...

Даже если и не пью вино, я говорю о нём. Даже если я не пью, я уже вкушаю его аромат, выбираю бокал, думаю. Думаю о том, что вино – это молитва. Моя молитва, немного вакхическая, немного неправильная. Но когда я пью вино, я молюсь. О земле, людях, красоте, нежности, женщине, правде и любви. Словом, когда я пью вино, я люблю!

Даже когда ещё только задумчиво брожу по Дольне, куда приехал однажды двести лет спустя вслед за Пушкиным. Пушкин жил здесь в семействе помещика Ралли, бегал за Земфирой, которая курила трубку и пела глубоким грудным голосом (хочется добавить: цыганские романсы). Конечно, пела, как и каждая цыганка, сбросив сандалии, словно распутав клубок, всё лишнее. От любви к Земфире Пушкин лечился местным вином. Выпивал, как говорят всезнающие пушкинисты, по ведру в день.